

Мама умерла во вторник, семнадцатого ноября. Я узнала об этом от соседки — особенная ирония заключалась в том, что ни я, ни мама никогда не были с ней близки, она была сварливая, недовольная жизнью женщина с неприветливым лицом, как будто вырубленным из камня; за те пятнадцать лет, которые мы с мамой прожили с ней на одной лестничной клетке, было несколько, в течение которых я даже не здоровалась с ней и с удовольствием нажимала кнопку лифта прежде, чем она успевала дойти до него от своей двери, тяжело дыша и с трудом переставляя ноги, — автоматические двери закрывались как раз в тот момент, когда она подходила, у нее было такое смешное выражение лица — монументальное возмущение. С этим выражением лица она часто в эти несколько лет (мне было тогда четырнадцать, может быть, пятнадцать) звонила в нашу дверь — мама никогда не приглашала ее войти — и предъявляла свои претензии: талая вода, натекая с ботинок в холле, гость, по ошибке позвонивший в ее дверь после десяти вечера, «что ей опять надо, мам» — произносила я громко, когда мамины интонации становились совсем уже беспомощными — за всю жизнь она так и не научилась защищаться, и любой пустяковый конфликт в очереди, от которого у прочих участников только появлялся блеск в глазах и здоровый румянец,

Яна Вагнер

вызывал у нее головную боль, сердцебиение и слезы. Когда мне исполнилось восемнадцать, соседкиной еженедельной интервенции внезапно пришел конец — возможно, она почувствовала, что я готова сменить маму на посту возле двери, и прекратила свои возмущенные набег; еще спустя какое-то время я снова начала здороваться с ней, всякий раз чувствуя какое-то смутное торжество, а потом, очень скоро, я уехала из дома (возможно, после моего отъезда война продолжилась, но мама никогда не говорила мне об этом), и образ сердитой, недружелюбной женщины с совершенно не подходящим к ней именем — Любовь — съежился и превратился всего-навсего в одно из незначительных детских воспоминаний.

Наверное, за прошедшие десять лет я не слышала ее голоса ни разу, но почему-то узнала ее мгновенно, стоило ей сказать — «Анюта», она произнесла мое имя и замолчала, и я немедленно поняла, что мамы больше нет, — она только дышала в трубку, прерывисто и шумно, и терпеливо ждала все время, пока я садилась на пол, пока пыталась вдохнуть, пока я плакала — еще не услышав ни слова, кроме своего имени, я плакала и прижимала трубку к уху, и слышала ее дыхание, и готова была плакать как можно дольше, чтобы больше не прозвучало ни одного слова, а сердитая женщина с именем Любовь, превратившаяся в моей памяти в размытую картинку из детства — закрывающиеся двери лифта, монументальное возмущение, — позволила мне плакать десять минут или двадцать и заговорила только после. После — я сидела на полу — она сказала, что мама совсем не мучилась, «мы тут насмотрелись ужасов по телевизору, конечно, но ты ничего такого не думай, все было со-

всем не так страшно, никаких судорог, никакого удушья, мы последние дни не закрываем двери, Анечка, мало ли что, сама понимаешь, станет хуже — до двери дойти не успеешь, я заглянула к ней — принесла немного бульона, а она лежала в кровати, и лицо у нее было очень спокойное, как будто она просто перестала дышать во сне».

Мама не говорила мне, что заболела, — но я почему-то чувствовала, что это обязательно произойдет, невыносимо было жить каждый день с мыслью, что она в восьмидесяти километрах от нашего спокойного, благополучного дома, каких-то сорок минут на машине, и я не могу забрать ее. Полтора месяца назад я была у нее последний раз, Мишкину школу к тому времени уже закрыли на карантин, институты тоже уже были закрыты, и, кажется, шла речь о том, чтобы закрыть кинотеатры и цирк, но все это еще не выглядело как катастрофа, скорее — как внеурочные каникулы, люди в масках на улице по-прежнему встречались редко и чувствовали себя неловко, потому что остальные прохожие на них глазели, Сережа каждый день еще ездил в офис, и город, город пока не закрыли — это даже не обсуждалось, никому не могло прийти в голову, что огромный мегаполис, гигантский муравейник площадью в тысячу километров можно запечатать снаружи колючей проволокой, отрезать от внешнего мира, что в один день вдруг перестанут работать аэропорты и железнодорожные вокзалы, пассажиров будут высаживать из пригородных электричек, и они будут стоять на перроне замерзшей, удивленной толпой, как дети, у которых в школе отменили занятия, со смешанными чувствами тревоги и облегчения, провожая глазами уходящие в город пустые поезда, — ничего этого еще не случилось в

Яна Вагнер

тот день. Я заехала на минуту — подхватить Мишку, который у нее обедал, мама сказала: «Анюта, поешь хотя бы, суп еще горячий», но мне хотелось вернуться домой к Сережину приезду, кажется, я едва успела выпить кофе и сразу засобиравшись — ни о чем толком не поговорив с ней, торопливо клюнула ее в щеку в коридоре возле двери, «Мишка, собирайся скорей, сейчас самые пробки начнутся», даже не обняла, ах, мамочка, мамочка.

Все случилось так быстро — за несколько дней в Интернете вдруг появились слухи, от нечего делать я читала их и вечером пересказывала Сереже, он смеялся — «Анька, ну как ты себе это представляешь, закрыть город — тринадцать миллионов человек, правительство, и вообще — там пол-области работает, не сходи с ума — из-за какой-то респираторной ерунды, сейчас нагонят страху на вас, параноиков, вы купите лекарств, и все потихоньку стихнет». Город закрыли вдруг, ночью — Сережа никогда не будил меня по утрам, но я знала, что ему нравится, когда я встаю вместе с ним, варю ему кофе, хожу за ним по дому босиком, сижу рядом со слипающимися глазами, пока он гладит себе рубашку, провожаю его до двери и плетусь обратно в спальню, чтобы накрыться с головой и доспать еще час-другой, — в то утро он разбудил меня звонком:

— Малыш, загляни в Интернет, пробка зверская в город, стою уже полчаса, не двигаясь. — Голос у него был слегка раздраженный, как у человека, который не любит опаздывать, но тревоги в голосе не было — я точно помню, тревоги еще не было. Я спустила ноги с кровати и какое-то время сидела неподвижно, просыпаясь, поплелась в кабинет, включила ноутбук — кажется, по дороге я завернула на кухню и налила себе

чашку кофе — он еще не успел остыть, я прихлебывала теплый кофе из чашки и ждала, пока загрузится Яндекс, чтобы посмотреть пробки, и прямо над строкой поиска, среди прочих новостей вроде «При крушении самолета в Малайзии никто не погиб» и «Михаэль Шумахер возвращается на трассы «Формулы-1», первой строкой была эта фраза — «Принято решение о временном ограничении въезда на территорию Москвы». Фраза была нестрашная, скучные, плоские слова, «временное ограничение» звучало как-то обычно и безопасно, я прочла короткую новость до конца — четыре строчки, и пока я набирала Сережин номер, новости вдруг стали появляться одна за другой, прямо поверх первой, нестрашной надписи; я дошла до слов «МОСКВА ЗАКРЫТА НА КАРАНТИН», и в этот момент Сережа взял трубку и сказал:

— Я уже знаю, по радио только что передали, пока без подробностей — я сейчас позвоню в контору, а потом наберу тебя, ты пока почитай еще, ладно? Ерунда какая-то, — и отключился.

Я не стала читать дальше, а позвонила маме, в трубке раздавались длинные гудки, я сбросила вызов и набрала мобильный мамин номер — когда она наконец сняла трубку, голос у нее был слегка запыхавшийся:

— Анюта? Что, что случилось, что у тебя с голосом?

— Мам, ты где?

— Вышла в магазин — хлеб кончился, да что такое, Аня, я всегда в это время выхожу, что за паника?

— Вас закрыли, мама, город закрыли, я пока ничего не знаю, в новостях передали, ты включала новости утром?

Она помолчала немного, а потом сказала:

— Хорошо, что вы снаружи. Сережа дома?

Яна Вагнер

Сереза звонил с дороги еще несколько раз, я читала ему вслух всплывающие в Сети подробности — все новости были короткими, детали просачивались по кусочку, многие сообщения начинались со слов «по непроверенным данным», «источник в администрации города сообщил», обещали, что в полуденных новостях по федеральным каналам выступит главный санитарный врач, я обновляла и обновляла веб-страницу, пока у меня не зарябило в глазах от заголовков и букв, кофе остыл, и больше всего мне хотелось, чтобы Сереза поскорее вернулся домой — после моего третьего звонка он сказал вдруг, что пробка сдвинулась, водители, заглушившие двигатели и бродившие по трассе, заглядывая в соседние машины и слушая обрывки новостей из радиоприемников — «какой-то бред, малыш, новости раз в полчаса всего, они тут музыку крутят с рекламой, черт бы их побрал», — вернулись к своим автомобилям, которые колонной поползли в сторону города; спустя сорок минут и пять километров выяснилось, что поток на ближайшем съезде разворачивается в область, Сереза позвонил еще раз и сказал:

— Похоже, они не врут, город действительно закрыт, — как будто еще оставались сомнения, как будто, двигаясь в сторону города эти последние пять километров до разворота, он рассчитывал на то, что это всего лишь розыгрыш, неудачная шутка.

Проснулся Мишка, спустился со второго этажа и хлопнул дверцей холодильника, я вышла из кабинета и сказала:

— Город закрыли.

— В смысле? — Он обернулся, и почему-то его заспаный вид, взлохмаченные со сна волосы и след от подушки на щеке сразу меня успокоили.

— В Москве карантин. Сережа возвращается домой, я звонила бабушке, у нее все в порядке. Какое-то время в город попасть будет нельзя.

— Клево, — сказал мой беспечный тощий мальчик, в жизни у которого не было проблем горше сломанной игровой приставки; его эта новость ничуть не испугала — может быть, он подумал о том, что каникулы продлятся еще на какое-то время, а может быть, он не подумал вообще ничего, а просто сонно улыбнулся мне и, подхватив пачку апельсинового сока и печенье, шаркая ногами, отправился назад в свою комнату.

Все это действительно было еще не страшно. Невозможно было представить себе, что карантин не закончится в несколько недель — по телевизору в эти дни говорили «временная мера», «ситуация под контролем», «в городе достаточно лекарств, поставки продовольствия организованы», новости не шли еще бесконечным потоком, с бегущей строкой внизу экрана и прямыми включениями с улиц, которые выглядели странно пустыми, с редкими прохожими в марлевых повязках, по всем каналам еще было полно развлекательных передач и рекламы, и никто еще не испугался по-настоящему — ни те, кто остался внутри, ни мы, оставшиеся снаружи. Утра начинались с новостей, со звонков маме и друзьям, Сережа работал удаленно, это было даже приятно — внеурочный отпуск, наша связь с городом была не прервана, а просто ограничена. Идея пробраться в город и забрать маму казалась несрочной — первый раз мы заговорили об этом не всерьез, за ужином, кажется, в первый день карантина, и в первые дни Сережа (и не он один — некоторые наши соседи, как выяснилось позже, делали то же самое) несколько раз уезжал; по

Яна Вагнер

слухам, тогда еще были перекрыты только основные трассы, а много второстепенных въездов оставались свободны — но в город попасть он так ни разу и не смог и возвращался ни с чем.

По-настоящему мы испугались в тот день, когда объявили о закрытии метро. Все случилось как-то одновременно, как будто вдруг приподнялись непрозрачные занавески — и информация хлынула на нас бурлящим потоком, внезапно мы ужаснулись тому, как у нас получалось быть такими беспечными, четыреста тысяч заболевших, позвонила мама — «в магазинах пустые полки, но вы не волнуйтесь, я успела сделать кое-какие запасы, мне не нужно много, и Любовь Михайловна говорит, что в ЖЭКе печатают продовольственные талоны и на днях начнут распределять продукты», а после она сказала: «Знаешь, детка, мне становится как-то не по себе, на улице все в масках». Потом Сережа не смог дозвониться на работу, мобильная связь зависла, как в новогоднюю ночь — сеть занята и короткие гудки, а к концу дня новости посыпались одна за другой — комендантский час, запрет на передвижения по городу, патрули, раздача лекарств и продуктов по талонам, коммерческие организации закрыты, в школах и детских садах организованы пункты экстренной помощи, ночью до нас дозвонилась Ленка и плакала в трубку: «Анечка, какие пункты, там просто лазареты, на полу лежат матрасы, на них — люди, как на войне».

С этого дня не было вечера, когда бы мы с Сережей не строили планов как-то проникнуть через карантин, через кордоны хмурых вооруженных муж-

чин в респираторах; вначале эти кордоны были просто пластмассовыми красно-белыми кубиками, каких много у каждого поста ГАИ и которые легко можно было бы раскидать машиной на полном ходу, бетонные балки с торчащей из них ржавеющей на ноябрьском ветру арматурой появились позже; «ну не будут же они стрелять в нас, у нас большая, тяжелая машина, мы могли бы объехать полем, ну давай дадим им денег», — я сердилась, спорила, плакала, «надо забрать маму и Ленку, мы должны хотя бы попробовать», и в один такой вечер волна этого спора вынесла нас из дома — Сережа рассовывал по карманам деньги, молча, не глядя на меня, шнуровал ботинки, вышел, вернулся за ключами от машины; я так боялась, что он передумает, что схватила с вешалки первую попавшуюся куртку, крикнула Мишке:

— Мы за бабушкой, никому не открывай, понял? — и, не дождавшись ответа, выбежала за Сережей.

По дороге мы молчали. Трасса была пустая и темная, до освещенного куса шоссе оставалось еще километров двадцать, навстречу нам попадались редкие машины — вначале из-за изгиба дороги появлялось облако рассеянного белого света, чтобы затем, мигнув, превратиться в тускло-желтый ближний, и от этих словно приветственных подмигиваний встречных автомобилей становилось спокойнее; я смотрела на Сережин профиль, упрямо поджатые губы и не решалась протянуть руку и прикоснуться к нему, чтобы не разрушить импульс, который после нескольких дней споров, слез и сомнений заставил его услышать меня, поехать со мной, я просто смотрела на него и думала — я никогда ни о чем больше не попрошу тебя, только помоги мне забрать маму, пожалуйста, помоги мне.

Яна Вагнер

Мы миновали холмистые муравейники коттеджных поселков, безмятежно мерцающих окнами в темноте, въехали на освещенный участок дороги — фонари, как деревья, склонившие свои желтые головы в обе стороны широкого шоссе, большие торговые центры с погасшими огнями с обеих сторон, пустые парковки, опущенные шлагбаумы, рекламные щиты «Элитный поселок Княжье Озеро», «Земля от собственника — от 1 га»; когда впереди показался кордон, блокирующий въезд в город, я даже вначале не сразу поняла, что это именно он, — две патрульные машины наискосок, одна с включенными фарами, небольшой зеленый грузовичок на обочине, несколько лежащих на асфальте длинных бетонных балок, издали похожих на белую продолговатую пастилу, одинокая человеческая фигура. Все это выглядело так несерьезно, так игрушечно, что я впервые на самом деле поверила в то, что у нас может получиться, — и пока Сережа сбавлял скорость, я вытаскала телефон и набрала мамин номер, а когда она сняла трубку, я сказала:

— Не говори ничего, мы сейчас приедем за тобой, — и дала отбой.

Прежде чем выйти из машины, Сережа зачем-то открыл и снова закрыл бардачок, но ничего оттуда не вынул; он оставил двигатель включенным, и я несколько мгновений сидела на пассажирском сиденье и смотрела, как он идет по направлению к кордону. Он шел медленно, как будто мысленно прокручивая в голове то, что должен сказать, я смотрела ему в спину, а потом выскочила из машины — по звуку позади меня я поняла, что дверь не захлопнулась, но не стала возвращаться и почти побежала вслед за ним, и когда я догнала его, он уже стоял напротив человека в ка-

муфляже, неуклюжего, как медведь; было холодно, под подбородком у человека была маска, которую он стал торопливо натягивать на лицо, как только мы вышли из машины, несколько раз безуспешно пытаюсь ухватить ее за краешек рукой в толстой черной перчатке. В другой руке у него была сигарета, выкуренная до половины. В одной из патрульных машин за его спиной виднелось несколько силуэтов и неярко светился экранчик — я подумала, они смотрят телевизор, это обычные люди, такие же, как мы, мы сможем договориться.

Сереза остановился в пяти шагах — и я мысленно похвалила его: поспешность, с которой человек натягивал маску на лицо, заставляла предположить, что он не хочет, чтобы мы приближались; я тоже остановилась, и Сереза произнес подчеркнуто бодрым голосом — тем, который мы используем в разговорах с гаишниками и милиционерами:

— Командир, как бы нам в город попасть, а? — По его тону и по тому, как он сложил губы, было заметно, как трудно ему дается эта непринужденная интонация, как неприятно ему это напускное дружелюбие, которого он на самом деле не испытывает, как он не уверен в успехе; человек поправил маску и положил руку на автомат, висевший у него на плече, — в этом жесте не было угрозы, это выглядело так, как будто ему просто некуда больше девать руки; он молчал, и Сереза продолжил — тем же неестественно приветливым голосом: — Дружище, очень надо, сколько вас — пятеро? Может, договоримся? — и полез в карман. Дверца стоящей позади патрульной машины слегка приоткрылась, и в этот момент человек, положивший руку на автомат, молодым, как будто еще ломающимся голосом сказал:

Яна Вагнер

— Не положено, разворачивайтесь, — и махнул рукой, в которой дымилась недокуренная сигарета, в сторону разделителя, и оба мы машинально посмотрели туда — из металлической разделительной ленты был аккуратно вырезан кусок, и на снегу, лежавшем по обе стороны ленты, отчетливо виднелась колея.

— Подожди, командир, — начал Сережа, но по глазам человека с автоматом я уже поняла, что ничего не получится, что нет смысла называть его командиром, предлагать ему деньги, что он сейчас позовет своих и нам придется садиться в машину, разворачиваться в колее, проложенной такими же, как мы, пытавшимися проникнуть в запечатанный город и увезти оттуда кого-то, кого они любят, за кого боятся, и я отодвинула Сережу и сделала еще четыре шага вперед, и встала почти вплотную к человеку с автоматом, и тогда наконец увидела, что он совсем молодой, может быть, лет двадцати, я постаралась взглянуть ему прямо в глаза — он пытался отвести их, и сказала:

— Послушай. — Я сказала «послушай», хотя я никому никогда не «тыкаю», это важно для меня — «вы» устанавливает дистанцию, вот я, взрослая, образованная, благополучная, а вот этот мальчик с темными оспинками на щеках в тех местах, которые не скрывает белая маска, но сейчас я знаю точно, что должна говорить именно так: — Послушай, — говорю я, — понимаешь, там моя мама, мама у меня там, она совсем одна, она здорова, у тебя есть мама, ты ее любишь, ну пусти нас, пожалуйста, никто не заметит, ну хочешь, я одна проеду, а он меня тут подождет, у меня ребенок дома, я точно вернусь, обещаю тебе, я поеду одна и вернусь через час, пусти меня. — В его глазах появилась неуверенность, я заметила ее и приготовилась сказать что-то еще, но тут за его спиной поя-

вился еще один, в такой же маске и с таким же автоматом на плече:

— Семенов, что у тебя тут? — и я, стараясь смотреть им в глаза по очереди, пока они не взглянули друг на друга, заговорила быстро, чтобы не дать им опомниться:

— Ребята, пропустите меня, пожалуйста, мне нужно маму забрать, мама там осталась, мой муж с вами тут подождет, я за час обернусь, можете даже в машину свою его не сажать, Сережа, ты тепло одет, правда, ты погуляешь тут час, я быстро, — и тот, который был старше, вдруг вышел вперед, оттеснив молоденького Семенова с почти догоревшей сигаретой в руке, и сказал громко, почти крикнул:

— Не положено, сказано вам, как будто это я придумал, разворачивайтесь быстро, у меня приказ, идите в машину, — и махнул автоматом, и в его жесте опять не было никакой угрозы, но я не успела сказать ничего больше, потому что молоденький Семенов, с сожалением выбросив себе под ноги окурок, произнес почти жалостливо:

— Вокруг Кольцевой натянули колючку, там еще один кордон, даже если б мы вас пустили, там не проедете.

— Пошли, малыш, пошли, нас не пропустят, ничего не получится, — сказал Сережа, взял меня за руку и почти насильно повел к машине. — Спасибо, мужики, я понял, — говорил он и тянул меня за собой, а я знала, что спорить уже бесполезно, но все еще думала, что бы такое им сказать, чтобы они меня пропустили, и ничего — ничего не пришло мне в голову, и когда мы сели в машину, Сережа снова почему-то открыл и закрыл бардачок и, прежде чем тронуться с места, сказал мне:

Яна Вагнер

— Это уже не милиция и не ДПС. Ты посмотри на форму, Анька, это регулярные войска, — и пока он разворачивал машину, пока под колесами хрустела снежная колея, я взяла в руки телефон и набрала мамин номер — первый на букву «М», «мама», она сняла трубку после первого же гудка и закричала:

— Алло, Аня, алло, что у вас там происходит?

А я сказала — почти спокойно:

— Мамочка, ничего не получилось, надо подождать, мам, мы что-нибудь придумаем.

Какое-то время она не говорила ничего, и слышно было только ее дыхание — так отчетливо, словно она сидела рядом со мной, в машине. Потом она сказала:

— Ну конечно, малыш.

— Я позвоню тебе попозже, вечером, ладно? — Я повесила трубку и стала рыться в карманах, мне пришлось привстать на сиденье, мы уже ехали в обратном направлении, скоро должна была закончиться освещенная часть дороги — я уже видела впереди границу желтого света и мерцающие огоньки коттеджных поселков, дома нас ждал Мишка. — Представляешь, я забыла дома сигареты, — сказала я Сереже и заплакала.

Ровно через неделю, во вторник, семнадцатого ноября, мама умерла.

* * *

Этот сон снился мне всю жизнь — иногда раз в год, иногда — реже, но всякий раз, когда я уже начинала его забывать, он обязательно приходил снова — мне нужно добраться куда-то, совсем недалеко, там меня ждет мама, и я двигаюсь вперед, но очень медленно —